

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ СТРОЕ ДРЕВНЕЙ ИБЕРИИ (КАРТЛИ)

Основным источником, на основании которого характеризуется социально-экономический строй общества древней Иберии (Восточной Грузии, Картлийского царства), во всяком случае в эллинистическую эпоху, до сих пор является известное описание Иберии Страбоном (География, XI, 3, 6). Оно привлекало внимание исследователей уже давно, хотя наиболее всестороннюю интерпретацию, исходя из марксистско-ленинского учения об обществе, дал ему впервые акад. С. Н. Джанашиа. Он показал, что описанное Страбоном общество было уже классовым обществом и что в Иберии уже в означенную эпоху мы, несомненно, имеем дело с государственным образованием. В ранних работах С. Н. Джанашиа, вышедших в начале 30-х годов, описанное Страбоном общество древней Иберии характеризуется как классовое с некоторыми пережитками родового строя, как «общество переходного типа, которое еще не приняло вид определенной и сложившейся социально-экономической формации»¹. В нем сосуществуют и соперничают друг с другом, по его мнению, разные способы производства: рабовладельческий, феодальный и первобытнообщинный². В дальнейшем С. Н. Джанашиа полностью принимает тезис о рабовладельческом характере древних классовых обществ и в соответствии с этим считает рабовладельческими существовавшие на территории Грузии древ-

¹ С. Н. Джанашиа, Труды, II, Тбилиси, 1952 (на груз. яз.), стр. 173—174.

² Там же, стр. 102—129, 131, 235, 307—321.

ние классовые общества, в том числе в первую очередь древнеиберийское общество³. Эта точка зрения преобладала в нашей историографии до середины 60-х годов, когда развернувшаяся дискуссия о характере древнейших классовых обществ затронула и вопрос о социально-экономическом строе древнегрузинского общества. Ряд участников дискуссии 1966 г., состоявшейся в Академии наук Грузинской ССР, и в том числе автор этой статьи высказались против тезиса о рабовладельческом характере древневосточных и древнегрузинских классовых обществ⁴. Позднее социально-экономический строй древней Грузии был охарактеризован нами как типологически «протофеодальный» (resp. «дофеодальный») и «раннеклассовый» в стадильном отношении⁵.

Однако среди множества подобных раннеклассовых дофеодальных (протофеодальных) обществ древнеиберийское общество, несомненно, должно было иметь свою специфику, должно представлять определенный тип (вид) подобных обществ, и поэтому вопрос о характеристике его социально-экономического строя требует отдельного исследования на материале, относящемся конкретно к этому обществу. Таким образом, мы вновь возвращаемся к описанию Страбона как основному нашему источнику по этому вопросу. «Страну эту (т. е. Иберию), — говорит Страбон (XI, 3,6), — населяют 4 разряда людей. Один разряд самый главный — из него они выбирают царей, старших по родству и возрасту; следующее по значению лицо — это верховный судья и полководец. Второй разряд — это жрецы, ведающие, кроме прочего, еще тяжбами с соседями. Третий разряд состоит из воинов и земледельцев. Наконец, четвертый — простой народ; это царские рабы, которые выполняют все работы по добыванию жизненных средств. Имущество у них общее в роде, заведует и хранит каждое имущество старший. Таковы иберийцы и их страна»⁶.

Существенным при анализе этого сообщения является определение, к кому конкретно относятся слова Страбона «имущество у них общее в роде (συγγένεια), заведует и хранит каждое имущество старший (ὁ πρῶτος ἀρχαίος)» — относятся они лишь к «четвертому разряду» — «простому народу» (λαοί — οἱ βασιλεῖς δοῦλοι) или ко всем «разрядам» (γένος) населения Иберии. С. Н. Джанашиа считал, что этими словами характеризуется лишь «четвертый разряд» («род» — γένος) населения Иберии — λαοί. Однако нам кажется более приемлемым мнение акад. И. А. Джавахишвили, который относил эти слова Страбона ко всему населению Иберии. Такое понимание текста более естественно и не создает никаких трудностей, в частности, из подобного понимания текста вовсе не вытекает, как это полагал С. Н. Джанашиа, будто имущество царского («первого») рода и четвертого рода (λαοί — «царские рабы») было общим. При описании иберийского общества об имуществе речь идет лишь однажды и трудно допустить, что по этому признаку он характеризует лишь один, последний «разряд» людей. Все «разряды» им охарактеризованы по их занятию, по имеющимся у них функциям в обществе и лишь после этого приводится фраза об общности имущества. Видимо, она относится ко всем четырем разрядам сразу. У Страбона можно найти аналогичные контексты, подтверждающие такую трактовку. Так, например, при описании общества Аравии (XVI, 4, 25) перечислены по признаку занятий пять разных категорий людей (воины, земледельцы, ремесленники, люди, производящие смирну и ладан), затем приводится дополнительная характеристика, относящаяся ко всем им одинаково, и в том числе аналогичная фраза: «Все родичи владеют имуществом сообща, но старшему в роде принадлежит главенство»⁷ (κοινῆ κτήσις ἀπασί τοῖς συγγένεσι, κύριος δὲ ὁ πρῶτος ἀρχαίος).

³ История Грузии с древнейших времен до начала XIX в.» под ред. акад. С. Джанашиа, Тбилиси, 1943 (на груз. яз.), стр. 18, 67, 74, 76 и др.

⁴ Отчет об этой дискуссии см. в журн. «Мацне» (Вестник Оон АН Груз. ССР), № 4, 1966 (на груз. яз.), стр. 262—292. См. также Г. А. Меликишвили, Вопрос о социально-экономическом строе древней Грузии, «Мацне», 1966, № 1.

⁵ Г. А. Меликишвили, Типологическая и стадильная классификация классовых обществ и вопрос о характере древнейших классовых обществ, «Мацне», Серия истории, археологии, этнографии и истории искусства, 1971, № 3 (на груз. яз.), стр. 124 сл.

⁶ Страбон, География, пер. Г. А. Сتراتоновского, М., 1964, стр. 475.

⁷ Там же, стр. 723.

Термин *συγγενεια*, встречающийся как в данном случае, так и в Страбоновском описании Иберии, не употребляется для обозначения узкого круга родственников (отец, мать, сестра, брат, сын, дочь), членов малой семьи. Под этим термином подразумевается более широкое объединение — род или большая семья ⁸.

Итак, Страбон, говоря о том, что у иберов имущество общее и им распоряжается старший в роде, скорее всего, подразумевает все категории населения древней Иберии. Однако из этого вовсе не вытекает, что перед нами общество с господством доклассовых, родо-племенных, первобытнообщинных отношений. Наличие в стране, с одной стороны, «царского рода», с другой, *λαοί* — царских рабов, которые выполняют (для царского рода) все работы по добыванию жизненных средств, ясно говорит против такого заключения.

Неправильно также считать, что полное равенство господствовало среди основного производящего населения — «третьего рода» (земледельцы и воины), несмотря на то, что ведущей формой собственности и здесь могла быть фамильная собственность — собственность отдельных большесемейных общин или родов (*συγγενεια*). Дело в том, что имущественная дифференциация в обществе могла развиваться главным образом не внутри рода, а между отдельными родовыми или большесемейными общинами. Многочисленные примеры такого развития дает нам знакомство с кавказской действительностью более поздней эпохи, в частности с ситуацией, существовавшей вплоть до нового времени у кавказских горцев. Здесь сплошь и рядом появлялись «сильные» (и богатые) роды, с общефамильной собственностью, эксплуатировавшие и подчинявшие себе более слабые (бедные) роды (общины) ⁹. Так формировалась у них аристократическая верхушка, которая после присоединения этого региона к России претендовала на равные права с российскими помещиками или грузинским дворянством в обладании средствами производства (землей) и производителями — обедневшими соплеменниками, находящимися в подчинении и разного рода зависимости ¹⁰.

Еще одно сообщение Страбона о древней Иберии находит близкую аналогию в институтах, наблюдавшихся в недалеком прошлом у кавказских (в частности грузинских) горцев. Речь идет о том, что одна из категорий населения Иберии — «жрецы» — «ведуют, кроме прочего, еще тяжбами с соседями» (*οἱ ἐπιμελοῦνται καὶ τῶν πρὸς τοὺς ὁμόρους δικαίω»). Часто это сообщение Страбона интерпретируется исследователями в том смысле, что в руках жрецов, видимо, находилось ведение внешних сношений государства ¹¹. Однако непонятно, как могла оказаться у них столь несвойственная этому сословию функция и как они коллективно осуществляли на деле эту функцию. Более естественно полагать, что здесь речь идет не о внешних отношениях, а о регулировании взаимоотношений внутри самого иберийского общества между отдельными коллективами — общинами. Следовательно, следует констатировать, что стоящие во главе этих общин люди обладали наряду с культовыми также и светскими полномочиями, будучи одновременно духовными и светскими главами общин. Это находит полную аналогию в существовании у грузинских горцев института «хуцеси», «хевисбери», возглавлявших общины и объединявших в своих руках функции как духовного, так и гражданского главы. Подобных правителей, как известно, мы встречаем и на заре древневосточной истории, в древнем Шумере. Конечно, следует полагать, что как и в древнем Шумере, в Иберии, по мере развития государственных институтов, быстро произошло размежевание функций — за главами родов остались функции военных и гражданских руководителей, а забота о культе становилась достоянием профессиональных жрецов.*

⁸ См. Т. С. К а у х ч и ш в и л и, География Страбона. Сведения о Грузии, Тбилиси, 1957 (на груз. яз.), стр. 58—59.

⁹ З. В. А н ч а б а д з е, А. И. Р о б а к и д з е, К вопросу о характере Кавказского городского феодализма, «Иберийско-кавказское языкознание», т. XVIII, 1973 (на груз. яз.), стр. 120 сл.

¹⁰ См. Г. А. М е л и к ш в и л и, К вопросу о характере древних закавказских и средневековых горских северокавказских классовых обществ, «История СССР», № 6, 1975.

¹¹ См., например, Д ж а н а ш и а, Труды, II. стр. 145 и др.

Наличие в древней Картли (Иберии) «родовой структуры» довольно красноречиво подтверждается данными древнейших грузинских исторических хроник. Так, «Мокцевай Картлисай» («Обращение Картли в христианство»), излагая события, происшедшие на заре возникновения древнегрузинской государственности (возникновение Иберийского царства — IV в. до н. э.), говорит, что «первым царем в Мцхета» был сын царя Ариан-Картли Азо. Он привел с собой в Мцхета из Ариан-Картли восемь домов («сахли») и десять домов («сахли») сородичей (своих) и поселился в старой Мцхета¹².

Ретроскопический взгляд на древность по материалам более поздней, феодальной эпохи также говорит о большой роли родовых связей как для Грузии, так и для соседней Армении. Акад. И. А. Джавахишвили¹³ и проф. Н. Г. Адонц¹⁴ не раз подчеркивали это обстоятельство. Ведь нельзя пройти мимо того, что в феодальной Грузии и Армении наименования привилегированного сословия связаны именно с «родом». Таковы, например, грузинский «мамасахлиси» (глава рода, дома)¹⁵ или армянский «танутер» (то же самое). Название феодального сословия в Картли (Восточная Грузия) «азнаур» вообще означает «родовитый», «сын рода», ему противопоставляется и «уазно» — человек без рода, простолюдин. Из дофеодального периода происходит много других терминов, употреблявшихся в феодальное время и происходящих от слова «сахли» (дом, род) — «сахлис каци», «сахлис швили» (для обозначения членов рода — фамилий), «сахлис цули» (для обозначения домашних, патриархальных рабов); «сахли» употребляется и для обозначения феодальных фамилий, а также «домов» полноправных граждан — «мквидри». Имеется сообщение, например, что в VI в. привилегией стать католикосом в Мцхета — главой восточногрузинской христианской церкви — завладели «два дома» («сахли») из мцхетских мквидри¹⁶. Уже в IV—V вв. как в Восточной Грузии (Картли, Иберия), так и в Армении перед нами столь развившиеся феодальные порядки, что несомненно они должны были формироваться перед этим в течение веков.

В процессе же их формирования, несомненно, большое значение имело возникновение и развитие неравенства между родами (груз. «сахли», арм. «тув»). Государственный аппарат комплектовался, как правило, из представителей сильных и богатых родов, что, со своей стороны, способствовало дальнейшему укреплению положения этих родов и выдвижению их в общественной иерархии. Очевидно, были и случаи, когда на государственное поприще выдвигались люди из не очень знаменитых родов, но свое положение они, вероятно, максимально быстро использовали для усиления и выдвижения своего «сахли» и скоро выглядели вполне благопристойно в этом отношении в среде военно-служилой аристократии.

Таким образом, древняя Грузия, как и соседняя Армения, принадлежит, видимо, к тем обществам, где в генезисе феодальных отношений центральная власть не имела решающего значения, аристократическая верхушка формировалась не через государственный аппарат, не путем захвата служилыми людьми наследственных привилегий; наоборот, само формирование военно-служилой аристократии здесь происходило преимущественно на базе выдвинувшихся «сильных (богатых) родов».

¹² Перевод Е. С. Такайшвили, см. «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. 28, 1900, стр. 1—11.

¹³ См. И. Д ж а в а х о в, Государственный строй древней Грузии и древней Армении, т. I, СПб., 1905 («Тексты и разыскания по армяно-грузинской филологии», кн. VIII); И. А. Д ж а в а х и ш в и л и, История грузинского народа, I, Тбилиси, 1928 (на груз. яз.), стр. 154 сл., 252 и др.; о н ж е. История грузинского права, кн. 1, Тбилиси, 1928 (на груз. яз.), стр. 148, 167, 169, 189—190, 192 и др.

¹⁴ Н. А д о н ц, Армения в эпоху Юстиниана, изд. 2-е, Ереван, 1974.

¹⁵ Древнегрузинская историческая традиция резко различает два периода в начальной истории грузин — период, когда во главе общества стоял «мамасахлиси», и «царский период» (так в известном своде древнегрузинских исторических сочинений — «Картлис Цховреба»).

¹⁶ См. Е. Т а к а й ш в и л и, Описание рукописей «Общества распространения грамотности среди грузинского населения», т. II, вып. 4, Тифлис, 1906—1912, стр. 723. О термине «мквидри» см. Г. А. М е л и к ш в и л и, К истории древней Грузии, Тбилиси, 1959, стр. 402—403.

Формирование ранней государственности во многом зависело от той наследственности, которую она получила от предшествующей эпохи. В Грузии и Армении природные условия вызвали раннюю индивидуализацию хозяйства, а это в свою очередь способствовало углублению имущественной дифференциации между отдельными большими семейными общинами (родами) и обусловило выдвижение и фактический захват власти на местах отдельными «сильными родами». Государственная власть не имела другого выхода, кроме того, чтобы примириться с этим положением и опираться на фактически уже сложившуюся аристократию. Этот процесс приобрел еще большее значение в формировании ранней государственности благодаря наличию в этих странах населения с резко отличавшимися друг от друга племенными особенностями, в силу географических условий ведшего издавна обособленную экономическую и общественную жизнь. Н. А. Бердзенишвили полагал, что поздние грузинские феодальные провинции вместе со стоявшими во главе их эриставами ведут свое происхождение от отдельных племенных, догосударственных образований и их глав и считал административное деление феодальной Грузии модификацией древнего племенного деления. В этом он усматривал одну из причин того, что развитие здесь не могло идти по «восточно-феодальному» образцу и создавало непреодолимые препятствия для централизации и формирования восточной деспотии¹⁷. В отношении Армении это обстоятельство было особенно подчеркнуто при исследовании формирования средневекового армянского «нахарарского строя» Н. Г. Адонцем. Уже в V в. те или иные области Армении находились во власти отдельных аристократических (нахарарских) родов. Когда часть Армении оказалась в составе Византийской империи, ее правители постарались распатать этот нахарарский строй, что им в значительной степени и удалось — нахарарские дома здесь фактически утратили свое значение и превратились в лучший случае в служилое сословие, главные представители их были поглощены имперской бюрократией¹⁸.

Другую роль играла Византия в Восточной Грузии (Иберии), которая непосредственно не входила в состав империи. Здесь правители Византии, наоборот, поощряли феодально-партикуляристические устремления отдельных феодальных правителей, отдельных феодальных родов и способствовали почти полному упразднению центральной (общенберийской) власти — в древнегрузинских исторических хрониках говорится, что, опираясь на покровительство византийских и персидских царей, картлийские эриставы (правители округов) — грузинские эквиваленты армянских нахараров — превратили в полную наследственную привилегию эриставство, и картлийские цари не были больше в состоянии сменять их на этих постах¹⁹. Н. Г. Адонц, говоря о состоянии бытия в I в. разделении Армении на 120 префектур (или «стратегий»), о котором сообщает Плиний, считал, что это и есть известные из греко-римских и армянских источников области во главе со старыми (бывшими) родовладельцами, выросшими после санкционирования их положения царской властью до степени властителей²⁰. Таким образом, сама государственная власть в дофеодальном периоде способствовала зарождению и укреплению будущей феодальной аристократии, которая в условиях подобного государства сильно укрепила свои позиции на местах как в сфере землевладения, так и в приобретении власти над людьми, над подвластным населением своих округов или поселений.

О выдвижении на общественном поприще родственных объединений, целых «родов» указывает и наличие термина «сепэ» и «сепедули» в Грузии и соответствующих ему понятий в Армении (в частности «сепух») ²¹ в качестве совокупности всех членов того или

¹⁷ Н. А. Бердзенишвили, Вопросы истории Грузии, кн. VIII, Тбилиси, 1975 (на груз. яз.), стр. 141 сл., 149, 152 сл., 163 сл. и др.

¹⁸ Адонц, ук. соч., стр. 196.

¹⁹ «Картлис Цховреба», издание под ред. С. Г. Каухчшвили, I, Тбилиси, 1955, стр. 217—221. В «Хронике Сумбата Давитисдзе» прямо сказано, что после того как царство потеряли сыновья Вахтанга Горгасали (V в.), власть перешла в руки картлийских азнауров (там же, стр. 373).

²⁰ Адонц, ук. соч., стр. 433.

²¹ Ср. также размышления о грузинских «сепецулах» и их армянском соответствии у армянского историка V в. Моисея Хоренского — «История Армении», II, 7.

ного привилегированного (правящего) рода. Характерно, что как в древней Армении, так и в Иберии, отдельные привилегии при царском дворе (общегосударственные должности или выполнение при дворе почетных обрядов) очень рано, судя по материалам античной эпохи, закрепляются за отдельными аристократическими родами.

На фоне всего сказанного вполне понятными представляются порядки, существовавшие, по сообщению Страбона, в «царском роде» древней Иберии. Царский род рассматривал само царство как свою родовую собственность. Выражением этого является и порядок престолонаследия, существовавший в эту эпоху²² в царском роде Иберии — царский трон переходил не от отца к сыну, а к члену данного рода, стоявшему ближе всего к прежнему царю по родству, старшему в роде по возрасту (скорее всего к младшему брату прежнего царя). «Второй» по этим же признакам представитель царского рода обладал привилегией занимать пост главного судьи и военачальника²³.

Конечно, не следует, несмотря на наличие общих черт, говорить о полной идентичности обстановки в древней Армении и древней Иберии. В последней, нам кажется, большим удельным весом пользовалась центральная власть, а позиции глав отдельных сильных родов не могли быть столь сильными, как в Армении. Однако в общих чертах социально-экономическое развитие в этих странах имело, несомненно, много общего. Одной из таких общих черт в обеих странах, видимо, следует признать именно большую роль «родовых связей» (конечно, имевших мало общего с «родовым строем» первобытнообщинной эпохи), что обусловило в конечном счете развитие феодальных отношений в этих странах с очень ранних времен и направило к тому же это развитие в сторону «феодализма западноевропейского типа». Наличие на местах института «мамасахлиси» — обладающих самостоятельным и большим политическим и экономическим потенциалом глав родов — несомненно, сильно способствовало такому развитию, в частности, в древней Иберии.

Говоря о социально-экономическом строе древней Иберии, нельзя не коснуться и вопроса о господствовавших здесь формах эксплуатации — формах «отношений господства и подчинения». Из страбоновского описания нам известна лишь одна форма подобных отношений — это эксплуатация членов порабощенных земледельческих общин царским родом. Юридический статус подобных производителей, по всей вероятности, был близок к рабскому, однако по экономическому признаку этих λαοὶ — οἱ βασιλικοὶ δοῦλοι — скорее всего следует рассматривать как крепостных: это самостоятельно хозяйствующие на царской земле члены покоренных общин, выполняющие определенные обязанности по отношению к господствующему коллективу — царскому роду (аналогия фессалийским пенестам, илотам Спарты и т. д.). С. Н. Джанашиа и Н. А. Бердзенишвили считают, что эти земледельцы носили наименование «гlexи»²⁴. На самом деле, средневековая Грузия получила от предшествующей античной эпохи два основных термина для обозначения стоящих на самой низкой ступени социальной иерархии людей: «гlexи» и «мона». Первый означал находящегося в полной крепостной зависимости земледельца, а второй хотя и понимался в общем как «раб», фактически употреблялся лишь для обозначения членов домашней челяди, слуг²⁵. Существовал и третий термин — «кирти» («киртеба») — для обозначения наиболее тяжелого состояния

²² Сообщение Страбона, возможно, восходит к источникам II в. до н. э. (А. И. Болтунова, Описание Иберии в «Географии» Страбона (XI, 3, 1—6), ВДИ, 1947, № 4, стр. 159 сл.) или даже к III в. до н. э. (О. Д. Лордкипанидзе, Сообщение Страбона о первом «геносе» населения Иберии, «Сообщения АН Груз. ССР», т. XVIII, № 3, 1957). В «римскую эпоху» — по иноземным источникам, а по более поздней грузинской исторической традиции намного раньше этого в иберском царском доме твердо установился порядок наследования престола от отца к сыну.

²³ В связи с этим заманчиво видеть в «царях» Иберии страбоновского описания носителей функций верховного жреца — см. Меликишивили, «Мацне», 1966, № 1, стр. 88.

²⁴ Джанашиа, Труды, II, стр. 166 сл.; Н. А. Бердзенишвили, Вопросы истории Грузии, I, Тбилиси, 1964 (на груз. яз.), стр. 417.

²⁵ Г. К. Соселия, «Мона» по древнегрузинским источникам, ВИ, 1955, № 4, стр. 128—131.

рабства²⁶. Два последних термина — иранского происхождения: «мона» связывается с древнеперсидским *manija* «домашний раб» (от *manāna* «дом») ²⁷ и в грузинской среде, видимо, стал обозначением домашней челяди или домашних, патриархальных рабов, «кирти» же происходит от иранского *kar-tar*²⁸ «работник» и, видимо, употреблялся для обозначения нанятых на наиболее трудных работах рабов (строительство и т. д.). Исходя из этого терминологического материала, следует констатировать для античной эпохи в основной отрасли производственной деятельности — в земледелии — наличие эксплуатируемых производителей в виде прототипов более поздних «гlexи» — сидящих на земле, самостоятельно хозяйствующих, объединенных даже в общины земледельцев, юридический статус которых соответствовал статусу несвободных людей²⁹.

В эллинистической Иберии такими «гlexи» («царские рабы») владел, видимо, в основном царский род (см. Strabo, XI, 3,6). У членов царского рода были, конечно, также «кирти» и «мона». Выдвигавшаяся военно-родовая аристократия, «сильные роды», имели «мона», хотя в дальнейшем, особенно после трансформации этой знати в военно-служилую аристократию, вероятно, и у них появились «гlexи» — закабаленные земледельцы, полученные путем царских пожалований военнопленных-рабов, а также путем покупки. В раннем средневековье уже нет никакого следа монопольного владения «гlexи» одной лишь царской фамилией.

Конечно, выдвигавшиеся в обществе «сильные роды» эксплуатировали и своих соплеменников — свободных производителей («третий род» страбоновского описания — «воинов и земледельцев»). Подобные «сильные роды», видимо, энергично заботились о сохранении «родового единства» — своей фамильной неделимой собственности, всячески охраняя и укрепляя ее. Опускающийся же все ниже и ниже «простой люд» (груз. «эри» — «народ» или «цврили эри» — «мелкий люд») — эти термины в раннесредневековых грузинских письменных памятниках уже резко противопоставляются терминам «азнауры» и «эриставы»), видимо, меньше заботился об этом и был мало заинтересован в родовых связях. Вероятно, этим следует объяснить, что в наименовании привилегированного слоя, как об этом уже говорилось выше, начинают доминировать ссылки на «род» (груз. «азнаури» — «родовитый, сын рода»). И позже, в феодальную эпоху, как известно, господствующий феодальный класс Грузии свято охранял фамильное единство, всячески воздерживался от деления фамильной («родовой») собственности на собственность отдельных малых семей. Аналогии с горскими раннеклассовыми обществами также указывают нам, как энергично такая военно-аристократическая верхушка должна была пользоваться институтами родового строя, заботиться об их сохранении для обеспечения и укрепления своей власти.

Конечно, нельзя полностью идентифицировать древнеиберийское общество, даже эллинистической эпохи, с более поздними горскими кавказскими раннеклассовыми обществами. У последних процесс классовобразования был замедлен, иберийское же общество было, несомненно, быстроразвивающимся классовым обществом. Различие обусловлено, главным образом, разницей в их экономической базе: если для горских обществ характерна узость экономической базы, резко ограничивающая возможность экспроприации «лишнего продукта» у производителей и тем самым препятствующая углублению классовой дифференциации, общество древней Иберии, несомненно, было свободно от этих ограничений и быстро развивалось в направлении раскола общества на антагонистические классы, в сторону перерастания раннеклассовых отношений в

²⁶ См. С. С. Орбелиани, Грузинский словарь, Тбилиси, 1928 (на груз. яз.), стр. 170.

²⁷ Мелкишвили, К истории древней Грузии, стр. 434.

²⁸ От *kar-* «делать» — см. М. К. Андроникашвили, Очерки по иранско-грузинским языковым взаимоотношениям, I, Тбилиси, 1966 (на груз. яз.), стр. 31—32.

²⁹ Вызывает интерес употребление термина «са-гlex-о» у грузинских горцев для обозначения порабощенных общин (В. В. Бардавелидзе, Хевсурская община «Сообщения АН Груз. ССР», 1952, т. XIII, № 8), а также наличие в осетинском (заимствование из грузинского) слова *gœlex* «раб» (В. И. Бабеев, Историко-этимологический словарь осетинского языка, I, М., 1958, стр. 512).

отношения, характерные для развитого классового общества. Поэтому трудно это общество типологически объединить с раннеклассовыми обществами так называемого «горского» или «кочевого» феодализма, в которых решающее влияние на развитие общественных отношений оказывает именно ограниченность экономической базы.

Особенно интенсивно древнеиберийское классовое общество, несомненно, развивалось в первые века н. э., в период близких контактов с Римом, однако его развитие носило в это время несколько противоречивый характер. Некоторый рост в стране в эту эпоху рабовладельческого уклада, несомненно, в определенной степени сдерживал процесс продвижения данного общества в сторону феодализма, в частности препятствовал порабощению членов свободных общин выдвинувшейся аристократией. Однако происходившее в это время укрепление социально-политических позиций и экономическое усиление военно-служилой и военно-племенной аристократии готовили условия для форсирования этого процесса в дальнейшем. Но еще долго и после этого, в раннесредневековый период, свободные общинники — «эри» или «цврили эри» в Иберии (Картли) выступают в качестве активной общественной силы и далеки от закабаления — превращения в «глехи». Можно привести немало примеров этого из грузинских источников раннего средневековья: если церкви иногда строятся азнаурами³⁰, то порой их строит «весь эри», беря на себя половину издержек по строительству³¹. «Цврили эри» активно выступают против местной власти, переходя порой на сторону иноземных завоевателей — персов, византийцев³². Термин «глехи» лишь в XIII—XIV вв. стал охватывать все земледельческое производящее население страны, знаменуя тем самым полную победу крепостничества в феодальной Грузии³³.